

Евгеній Бобровъ
магистръ философіи.

НОВАЯ
РЕКОНСТРУКЦІЯ МОНАДОЛОГІИ
ЛЕЙБНИЦА.

ЮРЬЕВЪ.

Печатня К. Матисена.

1896.

4 VI A - 4162

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского Университета“
№ 1, 1896 г.

4 VII A

Bibliotheca
Universitatis
Tartuensis

1441.2240

4062

Карлу Карлову
Тамму

автор

Новая реконструкция монадологии Лейбница.

Eduard Dillmann.

Eine neue Darstellung der Leibnizischen Monadenlehre auf Grund der Quellen.
Leipzig, 1891.

Хотя книга вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но въ виду того, что она и въ заграничной печати до сихъ поръ встрѣтила мало отзывовъ, а у насъ въ Россіи, можно сказать, почти совершенно неизвѣстна, я позволяю себѣ обратить вниманіе на это замѣчательное и въ высшей степени оригинальное сочиненіе молодого автора, сына извѣстнаго семитолога. Благодаря своей огромной начитанности въ сочиненіяхъ Лейбница вооруженный обширнымъ арсеналомъ цитатъ, авторъ, съ энергіей борется противъ ходячаго пониманія монадологии, причемъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду целлерову „Исторію нѣмецкой философіи“, а затѣмъ также и „Исторію новой философіи“ Куно Фишера. Уже одно то обстоятельство, что Лейбницъ вездѣ исходитъ изъ разсмотрѣнія тѣла и его свойствъ, а наши изображенія его системы въ томъ ему не всегда слѣдуютъ, дѣлаютъ де послѣднія подозрительными. Притомъ большинство историковъ руководится въ изображеніи системы Лейбница „Монадологією“ на томъ основаніи, что она есть позднѣйшее сочиненіе; а между тѣмъ болѣе раннія сочиненія лучше отражаютъ ходъ мыслей философа, чѣмъ

„Монадологія“. Она есть не истинная форма ученія о монадахъ, а только случайная попытка Лейбница апіорно вывести все то, что онъ нашель (въ своихъ динамическихъ изысканіяхъ) инымъ путемъ и въ другихъ сочиненіяхъ основаль иначе.

Кромѣ того, по мнѣнію Dillmann'a, въ обычныхъ изображеніяхъ системы не видно тенденціи или мотива мысли Лейбница. Система въ этомъ видѣ представляетъ собою массу отдѣльныхъ предложеній, не развивающихъ одной мысли, изъ которой всѣ они могли бы быть поняты. Историческое положеніе Лейбница тоже не совсѣмъ точно опредѣлено. Не умѣютъ указать поводовъ къ возникновенію системы. Всѣ эти недостатки объясняются тѣмъ, что истолкователи философа болѣе держались традиціонныхъ ошибочныхъ воззрѣній на монады, чѣмъ самихъ источниковъ, сочиненій Лейбница. Отсюда возникаетъ необходимость, не стѣняясь авторитетами, предпринять новое изслѣдованіе по источникамъ исключительно, имѣя въ виду пока лишь теоретическую часть системы.

Что касается хода развитія воззрѣній Лейбница, то Дильманъ полагаетъ, что около 1675 г. Лейбницъ задумаль свой планъ примиренія двухъ великихъ міровоззрѣній и употребилъ на выработку системы около 10 лѣтъ, такъ что она была завершена около 1685 г.; въ слѣдующемъ году она была формулирована въ „Метафизическомъ разсужденіи“. Занимаясь въ университетѣ древней и схоластическою философіею, онъ распростился съ ними, когда ознакомился съ новою наукой и сталъ ея приверженцемъ. Но его динамическія открытія въ Парижѣ вызвали въ немъ желаніе создать гармоническую систему.

Дильманъ не согласенъ съ тѣмъ, будто бы Лейбницъ исходилъ въ построеніи своей системы изъ критики картезіанскаго дуализма; никогда не былъ Лейбницъ и спинозистомъ. Историческое положеніе Лейбница Дильманъ указываетъ между идеалистическими системами древнихъ и схоластовъ, съ одной стороны, и механическимъ мірообъ-

ясненіемъ новаго времени съ другой. Проблема, которую онъ занимался, была: не имѣеть ли самый механизмъ метафизическаго происхожденія, несмотря на полную правомѣрность механическаго объясненія природы въ частностяхъ? Съ этой точки зрѣнія онъ сдѣлалъ то открытіе, что тѣло само не представляетъ собою истинной субстанціи, что оно — простой агрегатъ, что въ немъ не имѣется причины для движенія и сопротивленія; оно не есть явленіе чего-то третьяго, независимаго отъ воспринимающаго духа; нѣтъ, само тѣло представлено въ душѣ. Какъ онъ пришелъ къ такой проблемѣ? Очевидно, только тотъ могъ притти къ ней, кто не желалъ болѣе признавать разумность одного лишь механическаго міровоззрѣнія (приверженцемъ коего былъ одно время Лейбницъ) и хотѣлъ его примирить съ такимъ, которое пытается понять вселенную изъ формъ вещей. Древніе и схоласты въ формахъ признали подлинную суть бытія, но пренебрегли матеріальными, механическими, вообще, дѣющими причинами. Новые мыслители попали въ другую крайность, изгнавъ метафизику изъ науки и остановившись на механическомъ міробъясненіи съ помощью величинъ, фигуръ и движенія. Единственно возможнымъ путемъ примиренія этихъ двухъ направленій было признать, что частности (Details) природы могутъ быть выведены механическимъ путемъ, но что принципъ тѣла, какъ такового, состоитъ въ субстанціальной формѣ. Воспринимаемая нами вещи не суть явленія внѣшняго (для субъекта) міра (признаваемаго и матеріалистами въ видѣ матеріи, и идеалистами въ видѣ идей), а онѣ сами представлены въ насъ, какъ таковыя. Наши представленія суть нѣчто первоначальное, происходящее изъ насъ самихъ; всѣ частныя представленія и явленія должны быть сведены на явленіе и представленія тѣла, движенія, механизма. Примиреніе принциповъ влекло за собою и ограниченіе обоихъ направленій: механизмомъ объясняются однѣ только частныя перемѣны въ мірѣ; притомъ вещи не суть явленіе третьяго реальнаго, возникающее черезъ механизмъ, а сами онѣ, какъ

таковыя, представлены въ субъектѣ; за механизмомъ остается примѣненіе только въ мірѣ представлений и явленій съ цѣлью объясненія ихъ. Съ другой стороны, въ противоположность формалистамъ Лейбницъ утверждаетъ, что вещи никакъ не постигаются изъ субстанціальныхъ формъ, и послѣднія вовсе не пригодны для объясненій отдѣльныхъ явленій природы.

Объемъ замѣтки не позволяетъ намъ слѣдить за почтеннымъ авторомъ шагъ за шагомъ въ его опроверженіи ходячихъ взглядовъ и въ его реконструкціи лейбницевой монадологии. Ограничимся общимъ систематическимъ обзоромъ послѣдней по указаніямъ самого автора.

Всѣ прежніе философы исходили изъ той посылки, что наши представленія суть дѣйствія, явленія независимо отъ насъ существующихъ субстанцій; поэтому они обыкновенно занимались проблемою: что же лежитъ въ основаніи этихъ явленій? черезъ что послѣднія возникаютъ? Наоборотъ, Лейбницъ принимаетъ, что сами внѣшнія вещи, сами объекты представлены въ насъ; тогда, значить, всѣ наши представленія суть нѣчто первобытное и исходятъ только изъ нашего собственнаго основанія. Въ частности онъ требуетъ, чтобы сначала мы держались исключительно въ сферѣ простыхъ представлений, чтобы мы не смѣли переступать за область явленій; представленіе слѣдуетъ объяснять изъ представленія, явленіе изъ явленія, а именно: особенныя (частныя) явленія выводятся изъ общаго явленія тѣла, его движеній и его сопротивленія. Проблема, которою Лейбницъ единственно и занимается, такова: въ чемъ состоятъ принципы самого тѣла, самого движенія и самого сопротивленія, какъ таковыхъ. Но чтобы рѣшить эту проблему удовлетворительно, надобно сначала установить понятіе тѣла: невозможно найти принципъ какой-либо вещи, пока не знаешь ея понятія. Понятіе же тѣла Лейбницъ опредѣляетъ, подобно своей общей гносеологической точкѣ зрѣнія, такъ: тѣло не есть слѣдствіе, либо явленіе чего-то третьяго; наоборотъ, въдъ оно само, какъ таковое, въ насъ представлено; поэтому

философъ и опредѣляетъ тѣло не какъ субстанцію, черезъ которую еще только возникаетъ наполненіе пространства, не какъ причину наполненія пространства, и не какъ бытіе, которое наполняетъ пространство; но онъ полагаетъ его понятіе въ самомъ протяженіи, въ самомъ расширеніи (Ausbreitung) нѣкоего свойства, природы, а именно дѣятельности и сопротивленія. Въ этомъ опредѣленіи уже заключается то, что тѣло по существу своему есть не непрерывная, а прерывная величина; въ частности тѣло есть цѣлое многихъ вещей, изъ коихъ всякая до безконечности опять есть такое же цѣлое. Равнымъ образомъ, и движеніе по своему понятію не есть основаніе къ тому, что тѣло пробѣгаетъ нѣкоторый временной рядъ, но оно составляется черезъ самое послѣдовательное повтореніе нѣкотораго обстоятельства, черезъ самую длительность перемѣны мѣста. Отсюда видно, что въ сущности и движеніе не есть что-либо непрерывное, а есть нѣчто прерывное, а именно цѣлое до безконечности многихъ состояній. Наконецъ, и сопротивленіе не есть причина того, что тѣло можетъ быть подвигнато только при опредѣленныхъ условіяхъ; оно не состоитъ въ реакціи тѣла, дающаго отпоръ по отношенію къ тѣлу напирющему; оно состоитъ въ самомъ свойствѣ тѣла давать себя двигать только по закону сохраненія силы или по закону достаточнаго основанія: т. е., сопротивленіе состоитъ въ абсолютной пассивности.

Теперь только, когда выяснено понятіе тѣла, можно поставить вопросъ о принципѣ его. Дѣло не въ томъ, что лежитъ въ основаніи тѣла? какъ оно возникаетъ? но въ принципѣ самого тѣла, какъ такового. Этотъ принципъ надо искать въ душѣ, и въ частности въ активной и пассивной силахъ. Именно, само тѣло, какъ явствуетъ изъ его понятія, есть до безконечности цѣлое многихъ вещей, агрегатъ; поэтому оно всегда образуетъ только случайное, а вовсе не истинное единство. Оно вообще не обладаетъ какою-либо реальностью и есть, значитъ, чистый феноменъ, подобно сновидѣнію. Если же оно должно быть не

просто феноменомъ, а и обладать реальностью, то должно быть такое существо, въ которомъ само тѣло, какъ таковое, реализуется, представляется, какъ дѣйствительное единство, какъ нѣчто существенное. Итакъ, надо признать душу, недѣлимую субстанцію, которая не есть уже агрегатъ. Равнымъ образомъ, и самое движеніе, поскольку въ немъ видишь только перемѣну мѣста, — пока нѣтъ причины движенія, есть нѣчто относительное, о чемъ нельзя доказать, какому субъекту приписать его. Тѣмъ не менѣе всякая модификація предполагаетъ нѣчто неизмѣнное, пребывающее, чего модификаціею она бываетъ. Стало быть, если должна существовать причина движенія, если нужно найти такое пребывающее, такую субстанцію, въ которой самое движеніе выражено въ зачаткѣ и, какъ пребывающее, то мы должны ввести активную силу. Наконецъ, и для самого сопротивленія, какъ такового, для самой пассивности тѣла, согласно которой послѣднее можетъ быть подвигнуемо только по закону сохраненія силы, нельзя указать никакого основанія, ибо протяженіе, которое есть сущность тѣла (вѣдь оно составляется черезъ протяженіе нѣкоторой природы) совершенно индифферентно ко всякому движенію. Надо отыскать основаніе для отпора тѣла, найти сущность, въ которой тѣло само представлено, какъ пассивная способность. Поэтому приходится признать и пассивную силу.

Принципъ тѣла состоитъ въ недѣлимомъ существѣ, въ душѣ; то же самое, конечно, нужно примѣнить и къ тѣмъ тѣламъ, которыя оно само въ себѣ заключаетъ: вѣдь тѣло по существу своему есть цѣлое многихъ тѣлъ, каждое изъ которыхъ опять есть такое же цѣлое. Если же принципъ каждаго изъ этихъ особенныхъ тѣлъ опять есть простая субстанція, душа, то мы получаемъ, какъ единственно существенное въ тѣлѣ — безконечное число простыхъ субстанцій, которыя стоятъ другъ къ другу въ органическомъ соотношеніи. Имъ однѣмъ только и принадлежитъ всяческая реальность. Наоборотъ, тѣла и весь матеріальный міръ — не что иное, какъ чисто субъективныя реальности, феномены, которые

происходятъ единственно лишь изъ нашей собственной природы: они подобны правильно упорядоченнымъ и хорошо обоснованнымъ снамъ. А пространство и время, какъ слѣдуетъ изъ понятій тѣла и движенія, только порядокъ самихъ этихъ феноменовъ, какъ таковыхъ, поскольку они либо существуютъ, либо слѣдуютъ другъ за другомъ.

Субстанціи, которыя такимъ образомъ признаются за единственное реальное, эти монады, сообразно выводу ихъ понятія, суть соответственныя нѣкоторому тѣлу единства; онѣ суть недѣлимое и субстанціальное, тогда какъ тѣло, коего душою онѣ бываютъ, есть множество и феномень; или онѣ суть простыя существа, кои представляютъ въ себѣ это тѣло. Въ частности онѣ суть и активныя, и пассивныя силы. Но поскольку монада есть активная сила, она, какъ неизмѣнное, въ зародышѣ есть то, что развиваетъ движенія своего тѣла, какъ перемѣны; она представляетъ эти движенія въ единствѣ и въ чемъ-то пребывающемъ. А такъ какъ во всякомъ движеніи надобно различать два момента: перемѣну мѣста и стремленіе къ таковой, то субстанція, значитъ, состоитъ въ единомъ неизмѣнномъ актѣ, который въ себѣ выражаетъ всѣ движенія тѣла; субстанція есть нѣкоторая способность, равно и неизмѣнное стремленіе развивать эту способность. Стремленіе это направлено къ цѣли, состоящей въ дѣятельностяхъ; значитъ, оно есть нѣкоторое пожеланіе. Поэтому субстанція не есть просто способность, но заключаетъ въ себѣ и нѣкоторое пожеланіе, съ помощью котораго она изъ себя самой переходитъ къ дѣйствию; а эти дѣйствія, сообразно тому, что прообразовано (*praeformirt*) въ означенной способности, конечно, должны представлять движенія тѣла субстанціи. Но монада есть и пассивная сила: актъ, который сейчасъ былъ обозначенъ, какъ активная сила, бываетъ дѣятельнымъ только въ ограниченной степени; онъ подчиненъ закону достаточнаго основанія и представляетъ движенія одного тѣла; такому ограниченію субстанція, будь она только активной, конечно, не подлежала бы. Сообразно тому, изъ силы

происходятъ только такія дѣятельности, которыя именно представляютъ измѣненія тѣла. А если всякая монада представляетъ движенія своего тѣла, то она необходимымъ образомъ должна вмѣстѣ съ тѣмъ представлять и внѣшній міръ: въ движенія органовъ тѣла въ сущности суть только слѣдствія того, что происходитъ въ мірѣ; поэтому выражая одно, душа необходимо выражаетъ и другое. Наконецъ, вмѣстѣ съ понятіемъ представительства (Repräsentation)*) дано и понятіе представленія, перцепціи; значить, всякая монада представляетъ движенія своего тѣла, а вслѣдствіе того и движенія внѣшнихъ вещей; или она перципируетъ внѣшнія вещи, сообразно тѣмъ впечатлѣніямъ, какія онѣ производятъ на ея тѣло.

Итакъ, субстанція тождественна съ силою; она есть пребывающій актъ (дѣйствительность), который представляетъ въ себѣ всѣ движенія своего тѣла и посредствомъ ихъ — весь міръ, есть актъ, который представляетъ въ себѣ весь ходъ развитія міра. Это не значитъ только, что субстанція не содержитъ міръ въ себѣ, какъ объектъ; она сама есть изображеніе міра; поэтому особенное индивидуальное содержаніе этого хода развитія не есть для субстанціи нѣчто только акцидентальное, но относится къ ея собственной сущности. Понятіе субстанціи таково: она есть полное представительство всего того, что съ нею когда-либо можетъ случиться; или (что выйдетъ то же самое) субстанцію надобно опредѣлить, какъ существо, изъ понятія коего можно вывести всѣ предикаты, которые въ теченіе времени могутъ быть о немъ высказаны. Тогда какъ субстанціальныя формы прежнихъ философовъ представляли основанія только для общихъ пре-

*) Виндельбандъ замѣчаетъ: „Счастлиное удобство доставляетъ Лейбницу здѣсь двойное значеніе „репрезентаци“ (какъ и „представлять“ порусски): съ одной стороны слово значитъ: „быть представителемъ чего-либо“ (vertreten), съ другой — оно же обозначаетъ представляющую функцію въ сознаниі.“ (Gesch. d. Philos. p. 333 пр. 7.)

дикатовъ тѣхъ вещей, формы коихъ онѣ образовывали, т. е. были общими субстанціями, лейбницевы субстанціи, наоборотъ, суть основанія для всѣхъ, даже и для чисто индивидуальныхъ предикатовъ, которые когда-либо могутъ быть о нихъ высказываемы, т. е. суть индивидуальныя субстанціи. Мѣсто общихъ субстанцій древнихъ должны заступить субстанціи индивидуальныя.

Если же монады по своей сущности уже изначально заключаютъ въ себѣ все свое развитіе, то съ другой стороны онѣ представляютъ не только одну часть вселенной, но цѣлую вселенную. Въдъ представленія ихъ не суть слѣдствія, явленія независимо отъ нихъ существующихъ субстанцій: наоборотъ, сами внѣшнія вещи въ нихъ должны быть представлены; значить, въ монадахъ съ необходимостью долженъ быть представленъ весь міръ, ибо все, что въ послѣднемъ происходитъ, одинаково относится ко внѣшнимъ вещамъ. А кромѣ того, всякое измѣненіе во вселенной въ силу непрерывнаго распространенія и равномерной дѣлимости матеріи сообщается всѣмъ тѣламъ, и въ томъ числѣ тѣлу отдѣльной монады; слѣдовательно, послѣдняя должна имѣть свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ перемѣнахъ.

Такимъ образомъ каждая монада постоянно носитъ въ себѣ безконечное количество представленій, представляя въ себѣ всю свою будущность, все свое прошлое, а кромѣ того, и цѣлую вселенную. Но по большей части эти представленія чрезвычайно слабы. Свое будущее монада выражаетъ только въ зародышѣ, и, понятно, слабо; то же относится и ко всѣмъ почти событіямъ прошлаго. Несовершенно можетъ она воспринимать вообще и событія во вселенной, такъ какъ она воспринимаетъ ихъ только посредствомъ тѣхъ впечатлѣній, какія они производятъ въ ея тѣлѣ, а эти впечатлѣнія въ общемъ незначительны до незамѣтности. Имѣя во всякое время сразу безконечное множество представленій, которыя по большей части малы и непримѣтны, монада не въ состояніи различать ихъ всѣхъ другъ отъ друга — и всего чаще

можетъ замѣтить ихъ только неясно, спутанно. Итакъ, сущностью монады даны и различія ясности и спутанности ея представленій.

Какъ мы видѣли, принципъ, помощью коего монады переходятъ къ дѣятельности, состоитъ въ стремленіи къ переменѣ, а это стремленіе есть въ ближайшемъ опредѣленіи пожеланіе, влеченіе (Begehren): монады къ своей дѣятельности побуждаются влеченіями. Всякая же страсть есть стремленіе къ успѣху или цѣли, достижимой посредствомъ опредѣленныхъ дѣйствій. Субстанціи, руководясь страстями, управляютъ собою и по цѣлямъ: значитъ, онѣ — существа цѣлесообразующіяся. Страсти предопредѣляютъ монаду въ каждый моментъ къ нѣкоторому дѣйствию; но такъ какъ это — только страсти, только склонности, то онѣ никогда не ставятъ монаду въ необходимость дѣйствовать именно такъ, а не иначе, но, наоборотъ, при всѣхъ обстоятельствахъ оставляютъ за ними совершенную свободу выбора; онѣ придаютъ склонность, онѣ направляютъ, но онѣ не принуждаютъ. Поэтому, если субстанціи всетаки постоянно и безъ исключеній принимаютъ то развитіе, какое соответствуетъ ихъ склонностямъ, то онѣ однако ничуть не обязаны развиваться именно такимъ образомъ: ихъ дѣянія увѣрены и непогрѣшимы, но они не необходимы. Слѣдовательно, монады по своей природѣ — существа, сообразующіяся въ своихъ поступкахъ съ цѣлями и обладающія свободой дѣйствій.

Притомъ, если всѣ выраженія монадъ суть только развитіе того, что изначально въ нихъ заложено, суть только слѣдствіе ихъ собственнаго понятія, то субстанціи не могутъ имѣть другъ на друга физическаго вліянія, подобно вещамъ матеріальнаго міра; наоборотъ, если ихъ дѣйствія, какъ учить опытъ, и соотвѣтствуютъ взаимно другъ другу, то это бываетъ лишь самостоятельною встрѣчею, спонтаннымъ согласіемъ, только гармоніею; эта гармонія ихъ дѣйствій, обоснованная въ ихъ понятіи, въ ихъ натурахъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ монады обладаютъ такою сущностью, такою

природой, что переменны, изъ нея происходящія, сами собой стоятъ другъ къ другу въ соотношеніи: вѣдь всѣ онѣ въ сущности — представленія одной и той же вселенной съ точки зрѣнія, особенной для всякой монады. Равнымъ образомъ монады не могутъ дѣйствовать другъ на друга и не могутъ испытывать другъ отъ друга воздѣйствія; наоборотъ, только изъ самихъ себя, въ силу своего понятія монады такъ дѣятельны, либо такъ ограничены, какъ это должно было бы быть, если бы онѣ относились другъ къ другу, воздѣйствуя и претерпѣвая. Мы говоримъ о какой-либо субстанціи, что она воздѣйствуетъ на другую субстанцію, а та претерпѣваетъ отъ нея воздѣйствія, потому только, что первая дѣятельна именно въ томъ же отношеніи, въ какомъ вторая ограничена, ибо первая совершеннѣе, чѣмъ вторая, или она ясно выражаетъ то же самое измѣненіе, которое другая выражаетъ смутно; одна обладаетъ болѣе яснымъ представленіемъ, чѣмъ другая. Однимъ словомъ, различія дѣянія и претерпѣванія, замѣчаемое нами на феноменахъ, сводится въ мірѣ субстанцій на различіе ясности и смутности ихъ представленій.

Эту гармонію монадъ нельзя, однако, познать въ совершенствѣ черезъ нее самое. Конечно, нелогично теперь ставить вопросъ: какъ возникаетъ соотвѣтствіе субстанцій? Это соотвѣтствіе должно слѣдовать изъ собственнаго понятія вещей, а оно есть нѣчто примитивное и невыводимое. Но всетаки нарождается вопросъ о принципѣ самого явленія: почему субстанціи имѣютъ такіа понятія, а черезъ нихъ и такую сущность, что онѣ состоятъ въ спонтанномъ общеніи другъ съ другомъ? Правда, понятія, какія свойственны (zukommen) субстанціямъ, суть нѣчто первоначальное, въ чемъ ничего нельзя измѣнить; но вѣдь вмѣсто этихъ понятій вещи могли бы имѣть и совершенно инья, въ свою очередь такъ же неизмѣнныя понятія; въ области вѣчныхъ истинъ есть еще безконечное множество понятій, которыя могли бы быть даны вещамъ, причемъ послѣднія также имѣли бы возможность реализоваться. Значитъ, долженъ существовать принципъ

для самого того факта, что субстанции обладают гармоническими природами, должно быть на лицо Существо, въ которомъ представляется и выражается самое реализованіе природъ вещей. Итакъ, мы должны признать Бога. Этому Богу, слѣдовательно, должны быть даны всѣ тѣ понятія, какими вещи могли бы обладать, всѣ безконечно многія возможныя сущности вещей, въ Его разумѣ какъ нѣчто примитивное и невыводимое, независимое даже отъ Его Божеской воли; Онъ долженъ ихъ держать въ памяти (*vergegenwärtigen*), располагать ихъ по ихъ взаимосвязности въ міры, изъ этихъ возможныхъ міровъ избирать одинъ опредѣленный для реализации, для сотворенія, долженъ переводить послѣдній въ дѣйствительность, реализовать его и творить. Богъ долженъ быть актомъ, т. е. дѣйствительностью, соотвѣтствующею означенному реализованію (творенію) и представляющею его.

Представляя реализованіе міра, Богъ естественно долженъ представлять и самый этотъ міръ, всю вселенную со всѣми конечными монадами. Будучи источникомъ міра, Онъ долженъ всѣ прошлыя, настоящія и будущія событія въ мірѣ представлять сразу и абсолютно ясно. Если Онъ, наконецъ, долженъ избирать дѣйствительно существующій міръ изъ безконечности другихъ возможныхъ міровъ, то должно существовать основаніе, опредѣляющее Его отдать преимущество именно этому и никакому другому міру. Разумѣется, это основаніе не можетъ быть принудительнаго свойства, ибо въ противномъ случаѣ вообще не былъ бы возможенъ выборъ. Это основаніе можетъ состоять только въ склонности. Итакъ, Богъ поступаетъ по склонности. Эта склонность приводитъ Его къ тому, чтобы призвать къ бытію одинъ опредѣленный міръ, и притомъ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ. Но простая склонность не налагаетъ на Него необходимости; она детерминируетъ Его, инклинируетъ, но не принуждаетъ. Поэтому, хотя Богъ постоянно и непогрѣшимо соизволяетъ на то, къ чему направлена Его склонность, всетаки Онъ никогда не обязанъ рѣшать именно такимъ образомъ; на-

оборотъ, Онъ постоянно сохраняетъ за собою свою верховную свободу принять какое-либо иное рѣшеніе. А посему и міръ не необходимъ, но есть свободное твореніе субстанции, поступающей по наклонностямъ, значить, и по цѣлямъ.

А если вселенная есть свободное твореніе цѣлесообразно поступающаго Бога, то ясно, что и она должна быть устроена цѣлесообразно. Къ совершенному же познанію ея мы можемъ притти только въ томъ случаѣ, если мы станемъ стараться понимать явленія не только изъ ихъ механическихъ и матеріалистичныхъ причинъ, но также изъ ихъ цѣлей. Если поэтому система начинается тѣмъ основоположеніемъ, будто всѣ феномены надо объяснять механически, то къ концу она получаетъ такое дополненіе, что мы не можемъ довольствоваться исключительно механическимъ разсмотрѣніемъ природы: мы должны де, кромѣ того, изыскивать еще и цѣли, какія преслѣдуетъ міръ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Слѣдовательно, наряду съ мірообъясненіемъ механическимъ и на равныхъ правахъ съ нимъ должно стать телеологическое. Анализъ же основоначаль механики и физики показываетъ даже, что и эти законы могутъ быть поняты только изъ цѣлесообразной дѣятельности Бога, и значить, имѣютъ свое основаніе въ конечныхъ причинахъ.

Дильманъ произноситъ восторженное сужденіе о системѣ Лейбница. Въ ней нѣтъ де ни малѣйшаго противорѣчія съ самой собою. Нѣтъ ни одного предложенія, которое со строжайшею послѣдовательностью не вытекало бы изъ основныхъ возрѣній философа, которое не стояло бы во всестороннемъ согласіи съ его принципами. Глубокая, почти ослѣпительная ясность, съ какою изъ основной точки зрѣнія развиваются всѣ частности, и наоборотъ, съ какою все частное указываетъ на основаніе, должна вызывать высочайшее удивленіе. Это абсолютное отсутствіе противорѣчій, какого не добился еще никто другой изъ философовъ древнихъ или новыхъ хотя бы въ приблизительной степени, эта сила и глубина умозрѣнія, многосторонность, энергія, несравненная острота мыш-

ленія, истинно научная точность и послѣдовательность придаютъ системѣ Лейбница исключительное положеніе среди другихъ системъ. Лейбницева монадологія есть прекраснѣйшій и совершеннѣйшій плодъ философскаго мышленія, она есть совершеннѣйшая и самая блестящая изъ системъ, какія встрѣчаются въ исторіи философіи.

Съ такою любовью къ предмету своего сочиненія Дильманъ соединяетъ изумительную тонкость изысканія, остроуміе въ критикѣ, основательность въ доказательствахъ и отличное знаніе лейбницевыхъ текстовъ. Всѣ эти достоинства дѣлаютъ его книгу однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ германской философской литературѣ за послѣдніе года. Большинство указаній и поправокъ Дильмана очень оригинально, а ихъ обосновка убѣдительна. Главный недостатокъ сочиненія Дильмана заключается въ стремленіи, повсюду проглядывающемъ, какбы вырвать Лейбница изъ ряда развитія общевропейской метафизики и отрѣзать его отъ современниковъ. Стремленіе это объясняется желаніемъ защитить лейбницеву самостоятельность въ постановкѣ и рѣшеніи основныхъ проблемъ и доказать совершенное отсутствіе внутреннихъ противорѣчій въ его системѣ, словомъ опровергнуть обычные упреки по адресу Лейбница. Дѣйствительно, Дильману удалось реконструировать свободную отъ противорѣчій „эклетику“ критическую монадологію, и въ этомъ чуть ли не главная его заслуга. Но требованія исторической справедливости обязательны и для апологета. А факты поучаютъ насъ, что хотя великій и оригинальный Лейбницъ былъ самостоятеленъ, но въ то же время мы не знаемъ въ исторіи метафизики другого героя, болѣе отзывчиваго на чужія ученія (къ которымъ онъ относился, правда, благодушно-критически), героя, столь ученаго и въ области исторіи философіи прошедшаго черезъ горнило самыхъ разнообразныхъ вѣяній и вліяній. Самъ Лейбницъ не скрывалъ этого, а даже скорѣе ставилъ себѣ эти качества въ похвалу; не таилъ онъ и примирительнаго отношенія къ ученіямъ своихъ современниковъ. А Дильманъ, видя прими-

рительную миссію Лейбница въ воссоединеніи ученій грековъ и схоластовъ, какбы боится допустить и малѣйшее вліяніе на Лейбница со стороны его могучихъ философскихъ современниковъ. Нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что философія Лейбница изложена письменно только à propos, именно по поводу той или другой книги, того или другого запроса. Наконецъ, если не было вліяній на Лейбница въ смыслѣ положительномъ (т. е. въ смыслѣ принятія имъ чужихъ доктринъ), то были же у Лейбница реакція и полемика на ученія другихъ. Но Дильманъ изучаетъ только сочиненія Лейбница, провѣряя ими Целлера и Фишера, и совершенно не озаботился сравнить доктрины Лейбница съ ученіями современниковъ: Локка, Мальбранша, картезианцевъ вообще. Быть можетъ, самый лучший путь къ пониманію Лейбница и есть такое сравненіе; быть можетъ, мы всего лучше и справедливѣе можемъ уразумѣть Лейбница, изучивъ мнѣнія, опровергаемыя имъ и установивъ тѣ стороны ихъ, которыя именно и вызываютъ протестъ нашего монадолога. Въ этомъ отношеніи въ сочиненіи Дильмана большой пробѣлъ. Мѣста Лейбница приводятся въ изобилии, но почти нигдѣ не устанавливается ихъ отношеніе къ вызывавшимъ ихъ чужимъ предложеніямъ. Историческое положеніе Лейбница указывается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и безотносительно къ его современникамъ.

Еще за что можетъ быть сдѣланъ упрекъ молодому талантливому автору, это — нѣкоторая тяжело-ватость языка и излишняя наклонность къ большимъ періодамъ (въ противность стилю самого Лейбница). Также, къ сожалѣнію, авторъ не избѣжалъ и повтореній. Впрочемъ, онъ и самъ знаетъ за собой этотъ грѣхъ (предисловіе): „Я постоянно старался, говоритъ онъ, выразить свое мнѣніе какъ можно яснѣе и удобопонятнѣе; въ виду этого я не побоялся повтореній и обширныхъ изложеній: я думалъ, что лучше быть многорѣчивымъ (weitläufig), чѣмъ быть не совсемъ понятымъ. Если мое сочиненіе всетаки

ставить большія требованія къ собственному размысленію читателя, то основаніе этого лежитъ въ самой природѣ дѣла. Точка зрѣнія Лейбница, изъ которой изопли всё его убѣжденія, необыкновенно трудна; надо самодѣтельно овладѣть ею и продумать ее: только тогда можно достигнуть болѣе глубокаго пониманія системы; отъ этой самодѣтельности духа не освободитъ читателя никакое даже и самое ясное изложеніе системы.“

Евгеній Бобровъ.

Библиографическій указатель трудовъ Евгенія Боброва:

I. Отдѣльные изданія.

1. **О понятіи искусства.** Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1894.
2. **Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности.** Юрьевъ, 1895.
3. **Новая реконструкція монадологіи Лейбница.** Юрьевъ, 1896. (Также въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Юрьевского Университета“ за 1896 г. № 1.)
4. **Г. Тейхмюллеръ.** Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ подъ ред. Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1895.
5. **Г. Тейхмюллеръ.** Дарвинизмъ и философія. Переводъ подъ ред. Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1894.
6. **П. А. Висковатовъ.** Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы. Издалъ и дополнилъ Евгеній Бобровъ. Юрьевъ 1892.

II. Въ журналахъ.

7. **Искусство и нравственность.** „Вопросы философіи и психологіи“, за 1893 г., кн. XX, 1—29.
8. Рецензія на **G. Teichmüller.** Neue Grundlegung der Psychologie und Logik. Тамъ же, за 1891 г., кн. IX, 79—88.
9. Рецензія на книгу: Проф. **А. Козловъ.** Религія графа Толстого, II изд. Тамъ же, за 1895 г., кн. XXIX, 503—508.
10. Рецензія на **M. Straszewski.** Ueber die Bedeutung der Forschungen auf dem Gebiete der orientalischen Philosophie für das Verständniss der geschichtlichen Entwicklung der Philosophie im Allgemeinen. Тамъ же, за 1895 г., кн. XXX, 605—609.
11. **„Монадологія“ Лейбница.** Переводъ Евгенія Боброва. Труды Московскаго Психологическаго Общества, томъ IV, за 1890 г., стр. 338—363.

III. Въ ежедневной прессѣ.

12. **Г. Тейхмюллеръ.** „Русскія Вѣдомости“ за 1888 г. № 137 отъ 20 Мая.
13. **Стихотворный ритмъ.** „Русскій Парижанинъ“ за 1893 г., № 109 отъ 19/7 Февраля.

4VI

A-4162

14. **Значеніе русской народной поэзіи.** „Рижскій Вѣстникъ“ за 1892 г., № 45 отъ 24 Февраля.
15. **Вновь найденный памятникъ древне-русскаго творчества.** Тамъ же, за 1892 г., № 48 отъ 28 Февраля.
16. **Гофманъ.** Тамъ же, за 1893 г., № 2 отъ 4 Января и № 3 отъ 5 Января.
17. **Матеріализмъ.** Тамъ же, за 1894 г., № 267 отъ 9 Декабря и № 269 отъ 12 Декабря.
18. **Отношеніе человѣка къ міру и жизни.** Тамъ же, за 1895 г., № 25 отъ 31 Января и № 27 отъ Февраля.
19. **Русскіе писатели предъ судомъ иноземной критики.** Тамъ же, за 1895 г., № 42 отъ 21 Февр., № 48 отъ 28 Февр., № 54 отъ 7 Марта и № 55 отъ 8 Марта.
20. **Чацкій и Рудинъ.** (Историко-литературная параллель). Тамъ же, за 1895 г., № 199 отъ 7 Сентября.

Находятся въ продажѣ:

- Евгеній Бобровъ.** О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Цѣна 2 р.
- Евгеній Бобровъ.** Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности. Цѣна 75 к.
- Евгеній Бобровъ.** Искусство и нравственность. Цѣна 40 коп.
- Г. Тейхмюллеръ.** Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ подъ ред. Евгенія Боброва. Цѣна полтора р.
- Г. Тейхмюллеръ.** Дарвинизмъ и философія. Переводъ подъ ред. Евгенія Боброва. Цѣна 1 р.
- П. А. Висковатовъ.** Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы съ библиографическими примѣчаніями. Издалъ Евгеній Бобровъ. Цѣна 60 коп.

Выписывающіе эти книги отъ автора-издателя (г. Юрьевъ, Лифл. губ., Капитановая Аллея, д. № 16) за пересылку не платятъ. При выпискѣ нѣсколькихъ книгъ сразу дѣлается, кромѣ бесплатной пересылки, скидка.

Цѣна 20 коп.